

7.300 words.

ТРАГЕДИЯ В ГЛУБИНАХ

Эван Вош

1

Герои

Вокх — русский парень среднего роста, всегда сидящий у стены отдаленно от других.

Пьон — низкая девушка двадцати четырёх лет, обделенная пышными формами, но с фигурой благодаря занятиям в спорт-зале. Носит длинную чёлку с чёрными выпрямленными волосами. Предпочитает классические наряды белый верх и чёрный низ вроде блузки и брюк.

Эви — девушка двадцати трёх лет с грудью среднего размера, пропорционально соответствующего её телосложению песочных часов. Собирает крашенные серые волосы в хвост. Большую часть времени выбирает серый кроп-топ с длинными узкими рукавами и чёрные спортивные брюки.

Профессор Рене — седой мужчина с белой бородой и увелеченными глазами из-за толстого стекла очков. Оценивается научным сообществом как: «старый маразматик, возомнивший себя особенным».

Акт 1

Сцена 1

В августовский день после полудня в университете Генриха Йольца студенческая жизнь сходит на нет. Перед моими глазами отделение глубоких исследований факультета первородных зол. Прямоугольная комната размером двадцать пять квадратных метров имеет в самом сердце гнилую рану — однопольную решетчатую дверь. Тёмно-зелёный ковёр на всю длину старается разбавить тюремную эстетику дворцовой роскошью.

Мутное окно заливалось снаружи сплошным белым светом. Ближе к дальнему углу напротив друг друга стоят два дивана с грязно-бежевой текстурой. Над одним висит обрамленное золотом зеркало, из-за которого маленькая комнатка казалась вдвое больше.

Вокх

(Со слегка открытым ртом, что не издаёт ни одного звука)

— По данным профессора Рене именно здесь меня ожидает первое знакомство с его предметом — *первородным злом*. Что бы это не означало.

Надо будет спросить: возможно ли изучать предмет по учебникам в дальнем тёмном углу. Подальше от солнца и толп незнакомых людей.

Глаза сканировали внутренности помещения через дверной проём. Неидеальное зрение улавливает черты лица и мимику девочки на диване рядом с зеркалом. Она сидит с вытянутыми вдоль спинки руками и со скрещенными ногами.

Пьон

(В замешательстве и поиске ответа от собеседника)

— Eh, Evi, mate là-bas.

(Эй, Эви, посмотри туда.)

Её что-то привлекло, и это «что-то» было ничем иным, как я. Подув на чёлку свернутыми в трубочку губами, она говорит не просто с акцентом, но на другом языке. Тонкие длинные пальцы заходят под её белый воротник, из-за чего островатый подбородок возвышается надо мной. Неуместное высокомерие, если учитывать, что она выглядит младше меня.

Пока их «любимые парни», фу, даже мыслить об этом противно. В общем, их парни безмолвно стоят у стен и втыкают в телефоны. Отдыхающая на диване девчушка в нестареющей классике тыкает ногтем в подругу, что заполняет бланки на стене.

Эви

— В ваших головах имеется место для чего-то более важного, чем нескончаемое безделье?!

Лист из её рук выпадает и скользит вниз по стене. Он падает на паркет с шорохом. Эви разводит руки в сторону, сжимая ручку в кулаке.

В то же время иностранка широко раскрывает глаза и не отводит их от меня. Взгляд раздраженной девушки с ручкой фокусируется на силуэте в дверном проёме.

Вокх

— ...?

Я раскрываю ладони с локтями, прижатыми к телу. Цель не в том, чтобы сделать злобный вид из-за долгого ожидания, а подтолкнуть процесс к завершению.

Пока они играют в гляделки, я поднимаю упавший лист бумаги у чужих ног.

— Отделение глубоких исследований Доктора Рене,

верно?

Я передаю ей лист и тут же показываю направление, полученное от профессора Рене.

Пьон

— Sérieux?!

(Серьёзно?!)

Она кричит, но под конец подавляет громкость своего голоса, словно чувство стыда берет над ней контроль.

Эви

(Вздыхает непонятно, то-ли с облегчением, то-ли с тяжестью, то-ли от удивления)

— Итак... Получается, что спустя девять месяцев кто-то заинтересовался нами... Изучением первородных зол. Я же ничего не путаю, Пьон? А, Пьон?

Она с трудом подбирает слова и не говорит ничего толкового, надеясь, что её иноязычная подруга разрешит неловкую ситуацию. Складывается ощущение, что они такие же недалекие, как и я.

Вокх

— Заинтересовался вами? Не то, чтобы я действительно горел интересом... но...

Первый парень с другого факультета

— О, глянц, так он не студент.

Он бросает телефон на один из одиноких стульев у стены и выхватывает мое направление.

Пьон

(С наклоненной набок головой)

— ?

(?)

Её живот втянулся, а колени соприкоснулись друг с

другом, готовясь раздавить ладони между ними.

Эви

(Полностью теряет скрываемый интерес)

— Бесплатные... курсы? Ясно. Я успела поверить, что студенты университета изменили своё мнение.

Она отворачивается и идёт к небольшому столику слева от входной двери. Выдвинув полумягкий стул с золотой обивкой, девушка рукой убирает волосы за ухо и кидает свою щеку на кулак.

Вокх

Я стою по середине комнаты с опущенными плечами и без чёткого плана действий. Это ситуация раздражающая не потому, что никому из них нет до меня дела, а по причине собственной неосведомленности. Я хочу учиться и побыстрее; мне всё равно на них. В чём сложность ввести меня в курс дела и на этом разойтись?

Первый парень с другого факультета

— Расслабься, не слушай эту горячую... шипелку. Так как ты только пришёл и ещё ты не настоящий студент, то скажи мне спасибо, так как я проведу тебе лучшую экскурсию в твоей жизни, причём ты узнаешь гораздо больше, чем предполагалось.

Он хлопает меня по спине и кладёт руку на плечи. Вес его тела давит сверху, словно он пытается возвыситься себя и удавить авторитетом. Этот парень чуть выше меня и весит немного больше, но телосложение у него самые обыкновенное, ближе к худощавому.

Второй парень с другого факультета

(Воодушевлен происходящим)

— Эй, устрой ему стресс-тест! Если справится, то я

официально признаю его частью нашего коллектива.

Он со своим другом закружились напротив меня с. Истеричным смехом. Один подбежал к девушке за столом и схватил связку ключей рядом с её локтем.

Эви

(С безразличием из-за недоделанной работы и шума)

— Не надо трогать, иначе провалитесь, я вас откачивать не собираюсь. Да и к тому же, «нашего коллектива»? Вы не часть коллектива, а только штаны просиживаете. И нет никакого коллектива. Только я и Пьон.

Первый парень с другого факультета

(В предвкушении от того, что произойдет дальше)

— Оу, это ранит меня в самое сердце. Мы ещё какая часть! Без нас тут царил бы скука смертная. Так чо не парься, малыш, будет круто. Чел не против, да же?

Он указывает на меня резким кивком, хотя она игнорирует. Проходит меньше секунды, и он тащит меня вперёд. Объяснил бы, что к чему для начала, а там бы и подумали. Но мое мнение его не интересует. Он гнёт свою линию до конца.

— Ну, давай, давай!

Второй парень с другого факультета

— Открывай, открывай!

Он запрыгивает на пустой диван в уличной обуви, чем провоцирует ответную реакцию девушки за письменным столом. В то время два безобидных маленьких ключа от отделения бьются друг о друга, пока третий, к тому же самый большой и ржавый, с грохотом отпирает тяжелый замок от решетчатой двери.

* * *

Эви

(Терпение кончается)

— Закрой эту. Чёртову. Дверь...!

Её приказ сливается с множеством звуков из прохода, когда я перестаю наблюдать за происходящим за спиной.

Вокх

(С выпрямленной спины для придания более уверенного вида)

— А о что мне там делать-то? Есть инструкции?

Звук моего голоса растворяется в воздухе, когда поток холода пробирается через открытую дверь. Свет над головой заморгал, но в отличие от меня никто не дергается, словно не замечает этого.

Второй парень с другого факультета

— Иди и посмотри сам.

Кажется, он прыгает с дивана, словно фанат, что спускается с трибуны на поле игры. Две напряженные руки упираются в мои плечи, а ноги дают сигнал мозгу: «Мы не выдерживаем напора». Верхняя часть тела наклоняется вперед под давлением. Мои рефлекторно расставленные в сторону руки желают схватиться за дверной проём, но ступни скользят и сильнее разгоняют свободный полёт.

Вокх

— Надо мной посмеялись? А... за что?

Край левого глаза замечает его друга, что трется о пол с прижатыми коленями к груди. Свободная от ключей рука закрывает его рот, пока он готовился забрызгать дорогой ковёр недавним обедом. Время вокруг замедляется, как только моя голова пересекает порог. Появившийся из ниоткуда снежный вихрь бьёт в лоб и вызывает адское жжение на коже.

Я закрываю глаза в надежде, что разум разорвется на части и превратится в ничто, чтобы не чувствовать этой боли. Сердце колотится быстрее и быстрее, а я вспоминаю слова профессора Рене:

«Попав туда однажды, ты не понимаешь, что с тобой. Всё, что ты носил в себе превращается в пепел, тлеющий под чужой подошвой».

Подобно паутине вокруг натягиваются нити, каждая из которых связывает мои истинные чувства с реальностью. Неуверенность из-за вечной отстранённости от коллектива. Безработица и необразованность по причине собственной слабости сделать шаг наперекор судьбе, установленной другими людьми. Отсутствие искренней любви, в которую я не верю, чтобы не сгорать изнутри от зависти.

Голова профессора Рене говорит мне это, пока не разрывается на части по линии соединения челюстей. Как смешанный вместе майонез и кетчуп, глаза вытекают из глазниц на меня и ошпаривают ледяной кислотной.

— Подожди, подожди же, хватит уже, домой, домой, хочу домой!

Писк в ушах застилает звуки и внутренний голос. Я оказываюсь в бесконечно закругляющимся коридоре университета. Только бежевые стены стали бледнее, а свет от старинных золотых люстр, что висели вдоль высоченного потолка, сливался с монохромным интерьером эпохи ренессанса. Дежавю.

— Пять минут назад я же проходил здесь.

Я двинулся вперёд по коридору.

— А вот оно отделение глубоких исследований, но разве я не заходил сюда совсем недавно?

Дверная ручка не поддается, и дверь не открывается. Внутри никого нет? По спине бегут мурашки. Мягкое, но ледяное прикосновение по шее заставляет сердце

спрятаться в пятки. Вокруг никого, рядом никого.

Противные голоса в голове

(Перемещаются от одного уха к другому)

— Что ты здесь делаешь?

— Что здесь делаешь?

— Делаешь? Делаешь?

Эхо в голове разносит по венам чей-то шепот. Голоса ржавыми металлическими когтями царапают мой мозг, из-за чего я падаю на колени и хватаюсь за голову.

Вокх

(Цепляясь ногтями за уши)

— Кто вы? Оставьте меня в покое!

Противные голоса в голове

(Запаниковав и став быстрее)

— Тише!

— Тише! Тише!

— Он же слышит. Слышит!

Вокх

(Закрыв плотно глаза и ударившись спиной о дверь
позади)

— Кто он? Что вы, мать вашу, несете? Убирайтесь из головы... Убирайтесь сейчас же!

Тут я понимаю, что бьюсь в конвульсиях точно так же, как и тот парень, что открыл эту проклятую дверь. Когда биение моего сердца перекрывает звук трения ткани о дерево и беспорядочное дыхание, голоса замолкают.

Круглая стена коридора, вогнутая вперед с справа и слева, включает в себя раковину цвета золотого песка, слегка смутлого. Ручки крана крутятся сами по себе. Чёрная жидкость выливается за пределы и капает на пол.

Она двигается по полу коридора.

Вокх

— Что же это такое?

Ступни скользят по полу, пока спина пытается продвинуться назад, но безуспешно. Дверь не открывается, а потянуться за ручкой слишком страшно — отведешь взгляд на секунду, а за это время неизвестно, что может произойти.

Противные голоса в голове

— Покажем тебе.

— Надо показать ему.

— Пусть увидит, должен увидеть.

Жидкость, напоминающая нефть, не хаотично разливается по коридору, а двигается чётко в мою сторону, разделясь на несколько длинных извивающихся щупалец. Они хватаются за мои ботинки и не отлипают. Двигаются по ногам и рукам к лицу.

Мои пальцы хватаются за неосязаемые конечности, но только царапают собственную кожу. Когда они заползают в глазницы и в горло, я перестаю что-либо ощущать. Жидкость резала меня изнутри и тут же залечивала, чтобы продлить муки. Так продолжалось до последней услышанной мной фразы в правом ухе.

Женский голос в голове

(Словно нежный шепот перед сном)

— Рене? Это ты?

Присутствие нечто знакомого не покидает тело, но противоположное чувство, что меня с кем-то перепутали маячит на горизонте. Рене? Я не Рене. Подождите, профессор Рене, или же тот самый странный дедулька, болтающий сам с собой?

— Рене, тебе нужно уйти.

Вокх

— Уйти? Куда уйти? Зачем?

Ответ на вопрос не заставил долго ждать. Череда мутных картинок с эффектом рыбьего глаза возникла перед глазами. Действие происходит от первого лица, словно я вижу самолично каждую деталь и проживаю каждую секунду.

Я двигаюсь: через комнаты старого поместья со снегом и хвойным лесом за окном, постепенно сужающийся каменный проход, через который не протиснется крошечный муравей.

Затем в глубине древней пещеры, где воздух насыщен сыростью камня, возвышается мрачный питьевой бювет из чёрного камня и витражом по центру. Из кранов, расположенных с каждой стороны этого круглого творения, тихо истекает вода. По всей конструкции, словно вычурные пилястры, застыли изваяния человеческих фигур, искажённых в крике — их рты раскрыты в безмолвной агонии, руки вытянуты к небу в последней молитве.

Голубовато-белый свет пробивается сквозь трещину в потолке в высоком пещерном потолке.

Но это не всё. Тени, нет, люди. Два человека, но без лиц, полностью в темноте. Один из них, к кому тянется моя рука, парит над голубым витражом с опущенными слабыми руками. Когтистые нефтяные лапы окутывают его с ног до головы, не оставляя малейшего отверстия, и сжимают со всей силы. Хруст перемолотых костей и болтыхание крови в этом сосуде распространяются эхом по пещере.

Того человека, стоит ко мне лицом, хватает женская статуя, что вышла из бювета. Она тянет этого человека за

собой, хватаясь за внутренние стороны его щёк и ноздри. Безмолвные просьбы о помощи не спасают его. Кто-то, чье лицо я не вижу и с кем чувствую связь, трясется в шоке, когда каждая часть тела медленно плавится и превращается в чёрную субстанцию на дне раковины.

Женский голос в голове

— Не возвращайся, Рене.

На этом всё кончается. Звуки стекающих капель, становятся резкими и частыми. Голова пульсирует, а пещера начинает вращаться по часовой стрелке, сбивая меня с ног. Грудная клетка расширяется, а позвоночник выгибается назад. Ребра хрустят. Горло последний раз проглатывает сухой холодный воздух.

Сцена 2

За полчаса до.

Лекционная аудитория под номером девять — старая, как первый крик и вызвавший его первый страх, и заполненная рядами из просиженных и расцарапанных ручками скамей и парт. Потускневшие и выцветшие золотые шторы не впускают остатки дневного света внутрь. Плоховымытая и почерневшая доска полна вытертых голой рукой надписей.

Висящие под потолком три кованые люстры излучают оранжевый отсвет.

Профессор Рене

— Чтобы объяснить вам концепцию первородного зла, мне предстоит представить мир как идеальный белый шар. Свет исходит изнутри и является нам домом. В этой

белизне человек чувствует себя в безопасности.

Он двигается вдоль доски, оставляя за собой следы мела, и на каждом новом предложении его испачканная рука дотрагивается до стены с панельной обшивкой из тёмного дуба. Тёмный цвет тут же поглощает хрупкие меловые частички, подобно бездонной дыре.

— Чем дальше ты от центра, тем темнее становится мир. И в этой темноте — не просто мрак. Кхе-кхе. Это чёрное чернота без остатка, густое, как отработанное масло, липкое, как кровь, кипящее в твоих жилах.

Профессор подходит ближе. Студенты отворачиваются и прячутся в собственных мыслях.

— Попад туда, даже по случайности, ты не понимаешь, что с тобой. Нечто вступает с тобой в диалог. Оно знает: кто ты, кем был и кем тебе предстоит стать. Поэтому первородное зло — предмет нашего изучения. Мы ежедневно проникаем в место, где они обитают, и пытаемся наладить контакт. Когда зло обретает человеческую или любую иную форму, у нас появляется уникальная возможность узнать побольше о них и о том, каким был мир до того, как человек обрел в себе мужество сопротивляться тьме.

Он подходит ко мне. Его взгляд прям и обращен под мой череп — в самый мозг.

— Этого объяснения достаточно, чтобы определить будущую специальность, юные друзья?

Вокх

— Не совсем понятна цель этих исследований. Если учесть, что первородное зло было побеждено в процессе эволюции человека, а единственные останки этих «существ» заточены в пределах бесконечной тюрьмы в здании университета, то какого результата все ожидают? Нам ничто не угрожает, разве нет?

Я смотрю на него, а внутри меня не появляется ни интереса, ни страха, лишь лёгкое раздражение.

Я нахожусь на этих курсах, чтобы не платить за обучение и довольно быстро набраться важных знаний за пару месяцев. Обучение здесь должно позволить выйти на новый уровень знаний, который позволят моей жизни перейти на новый уровень. Однако этот старый мужчина пичкает меня какой-то белибердой. Скорее бы перейти к «изучению» этих глупостей, дабы получить пропуск на всеобщий экзамен.

Профессор Рене
(С ухмылкой)

— Очень честная реакция, юноша. И очень наивная. В истории человечества множество примеров, когда люди устранили великую угрозу. Именно её изучение позволяет нам, как виду, совершенствоваться.

Профессор отступил назад и тяжело опустился в кресло из красного дерева. Студенты, потупив взгляды, высыпались из аудитории, как пыль, сдутая с сухих страниц забытой книги.

Вокх

Я пожал плечами. В моём блокноте появилось его имя, чтобы не забыть:

— «Доктор Рене», странный... кхм.. своеобразный тип. Хотя я не горю желанием, но душу захватывает стыд от одной мысли, что к нему никто не подойдет.

— Это время поискать причина за: во-первых, большинство покинуло это место, а значит свободы на квадратный метр будет достаточно, во-вторых, меньше конкуренции на рынке труда, в-третьих, толпа не всегда бывает права, порой возможности кроются там, где другие видят угрозы.

Без спешки, но с искусственно созданной уверенностью, я подал ему заполненную анкету для временного поступления на факультет, пока он не отрывал от меня глаз.

Профессор Рене
(С поднятой бровью)

— Итак, господин Вокх, двадцать один, не занят, читает «альтернативную классику»... Скажи: почему выбор пал на мой факультет?

Вокх

— Причина действительно важна для вас? За мной очереди не...

Профессор Рене
— Как говорите?

Вокх

(После вдоха и попытки не взорваться от усталости
повторять людям свои же слова)

— Н-и-к-о-г-о тут больше нет. Только вы и я, профессор.

Профессор Рене
— Это так, и всё же... я тебя не помню на вступительной комиссии.

Вокх

— Я записан на публичный курс, поэтому вы не могли видеть меня на комиссии. Я не студент, к сожалению или к счастью.

Разочарование отражается на его лице. Профессор

поднимается с неожиданной лёгкостью, проверяет, не остался ли кто в зале по чистой случайности, — и возвращается к своему столу, из-под которого достает лист бумаги.

Профессор Рене

— Очереди, говоришь, нет... А знаешь ли, иногда вместо серой толпы появляется один светлый луч — тот, кто действительно желает учиться непосильным ранее вещам.

После записи каких-то данных он отдаёт мне бумагу с именами, которые я пропускаю мимо внимания. Наиболее важное — маршрут, которому я теперь следую.

Сцена 3

За десять минут до.

Западная часть национального университета по изучению истории и культуры пустеет с каждым шагом вглубь. Говорят, что аура, исходящая от древней земли под паркетами, неблагоприятно воздействует на студентов.

Я иду по закругляющимся к центру коридорам. Двести лет и более назад, если судить по брошюрам в мусорных баках, изучение первородных зол было популярным направлением и привлекало умы со всех концов света. Люди верили, что смогут обрести величайшее знание о мироздании, бессмертие, сверхъестественную силу, если дойдут до самой глубокой части, где зародилось самое первое зло. Однако сотни исследовательских работ и сотни тысяч потраченных часов убедили общество в одном — древние существа за той дверью не желают вести диалог. Неизвестно только, почему профессор Рене

до сих пор горит этой идеей, хотя, судя по возрасту, причиной является старческий маразм.

Изредка свободные от массивных бархатных штор арочные окна пускали с тучи поглядеть. Мраморные плитки чёрного и коричневого цветов отражали лепнину в виде витиеватых листьев на сводчатом потолке и тосканскую колоннаду из кварца.

Вокх

(Рассуждения вслух в виде звуковой волны двигались по направлении движения)

— Голову сломать в поисках отделения глубоких исследований... Ни людей, ни сквозняка. Раз за разом высокие тёмные двери.

— Плюсы: нет столкновений со студентами. Я до сих пор не имел представления об этом факультете.

Вот я прохожу ещё сто метров, и в кармане остается пустая пачка таблеток от головокружения и тошноты. Одна из дверей с двумя замками выделяется. Возле стоит мягкая скамейка. Упругое кожаное покрытие манит, а отсутствующая спинка заставляет держать царскую осанку. Золотая табличка справа от двери отсвечивает, а её текст соответствует моим ожиданиям.

— Шесть минут до занятия; пусто, как и у того дедушки.

Я присаживаюсь и опускаю плечи со сторбленной спиной. Раз в минуту мои пальцы растягивают мятую майку и пытаются оттереть легкое пятно грязи от бежевых штанов, которое появилось по пути в университет.

Часы бьют четыре часа безлюдного учебного дня. Коридор, чьи искривления закрывали облики приближающихся, неожиданно отражает и приносит мне мужские и женские смехи.

* * *

Вокх

— Неужели. Кто-то идёт.

Я не спешу выпрямлять спину, пока тени не поглощают старинные портреты учёных в моноклях и расписные вазы с красными розами.

Первый парень с другого факультета

— Молодняк как обычно сбежал с «Девятой». На ставки пора идти или на фонду. У меня дар.

Второй парень с другого факультета

— Пфф, братишка, это не дар. Статистика. Видел их лица. Из десяти вошедших десять вышли с помрачневшими рожками, словно увидели помешанного старца, у которого в голове сквозная дыра. Ну, что с него взять, глупая сфера без практического применения.

От смеха и слабых ног он растягивается по всему коридору. Его руки цепляются за стены от падения.

Эви

(С напряженным лицом, потому что умирающий от собственных шуток парень наступал ей на ноги)

— Рене старается, своеобразно, но в этом нет его вины. С каких пор стоящие на грани бездельники отчисления решают, что не глупо. У всеобщей истории имеются свои ответвления, которые тоже имеют место быть в современном мире.

Второй парень с другого факультета

— Признай, ты просто оправдываешь их. Вот у нас, все получают работу в архивах, кино, гос.аппарате, на крайняк в школах, да чё перечислять, если восемьдесят семь процентов студентов окупают обучение. Какая

статистика у вас? Ой, да, совсем забыл, её не ведут. Учился у Рене, работаешь с Рене, умираешь даже раньше Рене.

Первый парень с другого факультета

(С желанием переключить тему, как канал на ТВ)

— Да кому какое дело до этой учёбы и вечно зубрежки. В «Могроте» барную карту обновили. Теперь там не просто популярные коктейли, а авторские от лучшего бармена в городе. Один — из базилика и пеной из вулканического угля. Штука мощная.

Второй парень с другого факультета

— Ты-то откуда знаешь, сказочник? Завивающиеся коридоры нашептали, лорду?

Первый парень с другого факультета

— Не, брат, я там теперь работаю. Барменом. Управляющая — испанка, клянусь, половина смены с ней как лингвистический квест. Зато такая сочная и горячая, уф. Меня уже научили трём матерным выражениям, которые нельзя говорить в Барселоне. Но я их всё равно говорю.

Второй парень с другого факультета

(Первый, кто замечает застывший человеческий силуэт на скамье, который всем видом пытается игнорировать происходящее)

— Тф, пацан, ты чё такой... задумчивый?

Вокх

— Просто заметки смотрю.

Этот парень разваливается рядом, как у себя дома, достаёт телефон и вытягивает свои ноги вперёд так широко, как только позволяют его рваные джинсы.

Лежит, чем сидит.

— А, ты тоже сюда?

Второй парень с другого факультета
(Кажется, он не слышит)

— А?

Вокх

(После тяжелого вдоха носом)

Мой большой палец указывает на дверь. Этот парень бросает смешок, будто бы я с ним на одной волне, пока листает плейлист с музыкой. На экране я не узнаю ни одной обложки или названия. Теперь сильнее хочу убраться отсюда.

Второй парень с другого факультета
(Показывает мне рэп-трек «Into the Deerp»)

— Слышал? Новый трек у него, на репите восемь часов, у меня уже мозг бьется о череп.

Не дав мне даже шанс на ответ, он подпрыгивает и бежит в сторону, с которой пришёл минутой ранее. На встречу выходит его друг, коллега, однокурсник.

Помимо двоих парней свободное пространство всё активнее занимают две девушки, что составляют этим двоим компанию.

Эви

(Делает вид, что меня нет, а может действительно не замечает)

— Мне притворится, что я не знаю о нём?

Она легонько стучит по защитному стеклу ногтем со свежесделанным френч-маникюром.

— Могу накидать тебе из своего, может и тебе зайдёт.

* * *

Второй парень с другого факультета

— Напиши и скинь сюда, вот, сюда.

Он направляет экран своего телефона к её лицу, показывая имя своего аккаунта.

Первый парень с другого факультета

— Ладно, и чё... мы тут долго откисать собираемся? Кто за «Могрот»? Если кто-то выпьет ядерный коктейль с цедрой и мороженым, то я даже заплачу за вас. Ну? Погнали, или будем страдать в этих стенах?

Он кладёт руки на плечи обоих с довольной ухмылкой, чуть нагибается к девушкам — тело его свободно, движения уверенные и вычурные. Все улыбаются. Кроме одного.

Вокх

(Шепот про себя, но в то же время стреляющая усмешка, определенно искусственная, чтобы неосознанно привлечь к себе интерес)

— Забавно...

Заявляю, он хочет, чтобы она ему написала для продолжения диалога вне стен университета. Слишком очевидно, что она сама это понимает. В такой ситуации оказаться и врагу не пожелаешь: стратегия третий лишний отлично саботирует продуманные планы и возникшие возможности.

— Соболезную, зато не один себя так чувствую.

Эви

(Обратив взгляд на стоящую рядом подругу)

— Да, можно, мы не против. Надеюсь, у тебя как у сотрудника есть скидки на выпивку, потому что она пьёт такую дичь порой, что глаза выкатываются.

Девушки переглядываются, а затем синхронно

засовывают руки в карманы. Их вертикально растянутые тени наползают на меня до тех пор, пока между нами не остаётся расстояния, чтобы игнорировать существование друг друга.

— Пьон, ключ?

Подруга с интересным, по моему мнению, именем не пророняет ни единого слова, а только достает массивную связку из трёх ржавых ключей из сумки-тоут, что висит на её маленьком плече.

С полученным ключом она подходит к двери и прямо перед моим носом открывает её. Я продолжаю пялиться в уже погасший экран мобильного телефона в ожидании. Дверь со скрипом открывается, и щелчок выключателя света выходит через порог в коридор.

Вокх

— Ну, пойдём.

Протиснувшись через дверь, расцарапанные ручки которой успели потемнеть, я заглядываю внутрь.

Эви

— Ммм, чего Пьон? Мне необходимо перебрать материалы Рене, иначе он не отстанет, а ты знаешь, как он любит на мозги капать. Сидишь лицом вниз о стол, пот смывает макияж из-за закупоренных окон, а он ходит туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда и рассказывает нам «базу».

Её локти с листом бумаги опираются о стену рядом со странной дверью, пока ручка спешно заполняет поля в таблице.

Сцена 4

* * *

Настоящее время.

Отделение глубоких исследований на факультете по изучению первородных зол.

Эви

— Твою-то мать.

Как только слипшиеся веки разошлись, чёрной предмет, напоминающий песочные часы мелькает над мной. У него есть руки и длинные ноги, и голова. Между топом и спортивными брюками имеется пустое место, оголяющее бледную кожу её живота. Вдоль талии под лёгким наклоном тянется татуировка в виде тонкой молнии.

— «Войда» не создана для ваших инфантильных игр. Вы осознаете последствия, которые могут последовать от неподготовленного контакта с тысячелетним наслоением мрака?

Первый парень с другого факультета

— Да всё чётко, он же живой.

Второй парень с другого факультета

— Каждый новичок через это проходит, показать ему это — наш долг.

Эви

(Затряслась, цепляясь за свои штаны)

— Господи, заткнись, замолчите оба и уходите отсюда. Каждый раз одно и то же. Если не вы, то другие с корнем вырывают возможности превратить это бестолковое место в свободное научное сообщество.

Ноги парней шагают к двери мимо моего затылка на полу. Скрип её резиновой подошвы перемещается, как

8D-звук в сопровождении гневных вздохов.

— Идите к себе и там отравляйте людей своей глупостью.

Эви вытирает вспотевшие ладони друг о друга, а потом хватается за пересохшее горло. В помещении становится жарко.

Вокх

— ...

Наконец воздух, пропитанный сладко-горьким дымом от электронных сигарет, входит в мои лёгкие. Шея захрустела, словно я пролежал пару дней в коме. Я поворачиваю голову, чтобы облегчить ноющую боль. Запах лаванды заполняет ноздри, когда кончики чёрных волос падают на лоб.

Пьон

— Il va bien...

(С ним всё окей...)

Она хватается за колени, пока сидит на корточках. Маленькие и тончайшие пряди волос с её челки слегка заходят на её глаза, когда она вопросительно наклоняет голову.

Эви

— Действительно.

Девушка, что стоит передо мной складывает руки в замок у груди, и раз в пару секунд с недовольством посматривает на парней, что никуда на деле не ушли. За приоткрытой дверью слышатся их дыхания; они пляшут на происходящее и противно хихикают.

— Ам, эээ... ну, как там? Что ты видел?

Она подошла поближе и тоже присела рядом, пока блики и тонкие лучи света от люстры на потолке

временно парализуют мои мысли и действия.

Первый парень с другого факультета
(С предвкушением)

— Да, что ты видел?

Подбородок невысокого парня выглядывает из-за высокого плеча. Он чуть-ли не падает на спину своего друга, что стоит спереди.

— Меня там наизнанку выворачивало, казалось, что рука тянет за язык, а внутренняя сторона кожи выходит наружу вместе с потрохами!

Второй парень с другого факультета

— Видал жуткий подъезд, полный алкашей и запаха дерьма?!

Его толстые пальцы сжимали дверную коробку, а ногти вонзались в неё поглубже, чтобы не провалиться вперед от давления семидесяти килограммовой туши.

Вокх

— Подъезд? Нет, точно не подъезд. Никаких намёков на что-то подобное от слова совсем.

Я всё-таки поднимаю спину и вижу вытянутые ноги с грязными штанинами. Бежевые вещи не самые практичные в экстремальные условия, но как будто бы у меня имеются другие.

Аккуратно потирая коричневые пятна, заработанные от соприкосновения колен с полом, я сохраняю фальшивое спокойствие в присутствии красивых девушек. Как будто бы не время, однако не хочу разрушать липовый образ.

— Не скажу, что я видел что-то. Главную роль играли ощущения. Ощущения собственного тела притупились, зато я лучше чувствовал происходящее вокруг: каждую

соринку, плывущую по пыльным полкам, каждую трещинку, сквозь которую проникал зимний ветер.

— Подумал, что сбрендил или заснул, ведь это напомнило больной сон при высокой температуре. Но затем в совокупности холодных красок увидел теплую её... Как её... Ну... Скважину эту. Сквозь неё чьи-то голоса проникали в голову, словно мои собственные.

— И, если честно, меня больше напрягло, что вы, парни, толкнули меня.

Мой рассказ никто не перебивает. Девушки молчат, кончики их нарисованных стрелок опускаются. Розовые губы приоткрываются и немного обнажают белые зубы.

Пьон

(С выпученными глазами, что кажется сейчас выпадут, и отведенным назад затылком)

— Watafuck...

Второй парень с другого факультета

(С выпученными глазами)

— Чел... ты чё, поехавший...?

Первый парень с другого факультета

(С закатившимися глазами)

— Второй Рене, да ну...

Эви

(С напряженным от усталости лбом)

— Дверь. Закрыть. Уйти. Бегом.

Раздается сухой «щёлк» — защёлка встает на место. Сначала она идет к окнам возле диванов, за которыми виднеется лишь рассеянный свет. Открыв их, она позволяет всем нам проветриться.

— Пьон, помощи.

Девочка за моей спиной берется за мои плечи и тянет наверх. Её одиночных усилий не хватает, поэтому скорее я помогаю ей, чем она мне.

Вокх

— Спасибо тебе за помощь, но это было необязательно. Я не пострадал, просто немного заржавел.

Её невинные глаза не отрываются от меня, разглядывая рот, нос, щеки и затёкшую шею, а ресницы плавно хлопают.

И вот, когда я выпрямляю спину и слышу хруст позвоночника, она становится ниже меня на целую голову. Затем она улыбается. Её губы расплываются вдоль щёк, а едва заметные под волосами чёрные брови устремляются стрелами вверх.

Эви

— Расскажи всё в мельчайших деталях, это сейчас важнее всего. Пьон, быстрее подай таблицу с отчетами.

Пьон

— Evi, du calme. C'est pas la priorité.

(Эви, спокойно. Это не главное сейчас.)

Эви

(С искренним недопониманием своей подруги)

— Что значит не...

Для неё моя фигура остается неподвижной с прижатыми к телу руками и растопыренными пальцами. Это не моя вина, однако атмосфера кричит, что я могу быть в шоке, разбитым и убитым как морально, так и физически. Тем более, в этой атмосфере отсутствует дружеский компонент.

— Ах, ну да, точно.

Хватается за лоб. Видно, как она намеренно отпускает

непреодолимое желание узнать то, что я видел. Не знаю, какую ценность эта информация несёт. Абсолютно важную и стоящую человеческую жизнь по её поведению.

— Ты в полном порядке? Ты уверен? Чувствуешь какие-то последствия? Например, ощущение, что нить разума рвётся или из-под ногтей вырывается горячая нефтяная субстанция, или может ткани сердца разъедают черви?

Её ноги косятся, а язык заплетается. Она передаёт колющий иглами холод своим прикосновением и поправляет мою ещё до этого мятую футболку. Теперь можно не беспокоиться о внешнем виде — для них я многое пережил, хотя полное осознание только маячит вдалеке.

Вокх

— Не знаю, кем они вам приходится, так что простите, но без дышитесь легче.

Я завязываю два белых шнурка на штанах. Из-за своей длины они тут же расходятся на исходное висячее положение, но я делаю вид, что так и надо и продолжаю.

Эви

(С напряженными бровями наклоняется поближе)

— Как?

Она не слышит сказанное мною, хотя я точно сказал достаточно чётко в этот раз.

Пьон

(Своей возбужденной подруге)

— Bon... il a pas tort.

(Ну... он ведь в чём-то прав.)

О, эта кажется поймала волну с моим голосом, что не

факт. Перевода нет, так что наверняка не узнать.

Вокх

(С наивным любопытством, скрывающим нарастающее раздражение от непонимания её речи)

— Что-что? Я правда не понимаю, не пойми неправильно. Может это те последствия, о которых вы сказали?

Сомнительное предположение, если не ошибаюсь, она и до этого говорила подобным образом. Вежливость не позволяет задать мне прямой вопрос на счёт её необычности, на котором она говорит и о причинах. В отличие от них двоих, что без перевода понимают друг друга, я остаюсь в нежеланном неведении.

Эви

(Прикусывает губу от стресса)

— Знаете, а лучше пойдёмте-ка отсюда.

Она поправляет хвост за головой и дотрагивается до старого ключа, чтобы закрыть тюремный проход, напоминающий вход в Тартар или Преисподнюю. Её ногти сами лезут в рот, пока она торопится на выход. Покинув это помещение, она оставляет нас двоих с иностранной подругой. Мы переглянулись.

— Что стоим, как контуженные? Пьон, в самом деле, напрягись. Ты тоже давай, пошли, пошли.

Сцена 5

Девятая аудитория. Ещё темнее, из-за отсутствия солнечного света, бьющегося в шторы. Вся доска от одного угла до другого разрисована кругами,

напоминающими кроличьи норы. На длинных столах, что расположены ближе всего к кафедре, лежат десятки раскрытых книг.

Профессор Рене

— Да-да, войдите, кто бы вы ни были.

После стука в дверь, толпа из трёх человек, где я занимал место в арьергарде, пожаловала внутрь не в подходящий час.

Эви

— Профессор, у нас тут, да твою же... что вы тут опять устроили?

Профессор Рене

— Эви, дорогая, вы сегодня позднее, чем обычно.

Девочка с длинными чёрными волосами, что стоит передо мной, мило улыбается с закрытыми глазами и машет ему. После небольшой паузы он отвечает.

— Привет, Пьон.

Сам же профессор Рене сидит на коленях спиной к нам и роется в заполненной макулатурой картонной коробке.

Когда мы подходим ближе, он оборачивается, а глаза его загораются при виде меня.

— Неужели вы познакомились, это потрясающе! Ну, что думаешь о нашем факультете, всё ли устраивает, всё ли понятно? Удалось ли поучаствовать в экспериментах?

Эви

(С чрезмерной серьезностью, которая не гармонирует с
радостью профессора)

— Да, в этом и дело.

Профессор Рене

(Его взгляд тут же переменяется с весёлого на
обеспокоенный)

— Что-то случилось?

Эви

— Он упал в «Войду», а потом вышел из неё, словно
погулять сходил.

Уже в самом начале недосказанной новости профессор
Рене опускает плечи и раскрывает рот.

Вокх

— Я бы не сказал, что это было настолько легко, как ты
говоришь.

Рука чешет затылок, и носок ступни чешет другую ногу.

Пьон

— Je confirme, il a fait ça les doigts dans le nez.

(Подтверждаю, для него это было раз плюнуть.)

Профессор Рене

(На мгновение кажется, что он злится, но его дряхлые
щёки взмывают от ещё большей радости)

— Этого... Этого быть не может, господин Вокх! Я в вас
не ошибся.

Он хлопает меня по плечам и осматривает сверху
донизу.

— Это начало нового акта для всех нас! Пьеса
продолжается спустя десятилетия!

Профессор Рене отворачивается и смотрит на каракули
на доске и замолкает. Повернув голову, он опускает

брови, словно надевает новую маску серьезности, которую я ещё не видел.

— Может быть, ты даже сможешь услышать её...

Вокх

— Её это кого? Речь о каком-то человеке?

Я смотрю на двух девчонок, что привели меня сюда, но их реакции в точности соответствуют моей. Теперь старик наводит ужаса даже больше, чем то место.

Профессор Рене

(Его загипнотизированные зрочки кружатся, как спираль)

— Сейчас это неважно, лучше расскажи мне, расскажи мне всё, что чувствовал, что видел, что осязал, что вдыхал, абсолютно всё!

Вокх

(Улыбкой я стараюсь показать, что не замечаю его слишком возбужденного поведения)

— Я бы с радостью, с чего начать только.

Моей руки касается другая рука. Она тянет меня назад и предотвращает столкновение с профессором. Одна из девушек спасает меня от открытого нападения и выступает вперед.

Эви

— О, нет, это завтра, вы наверняка сами устали профессор за весь день.

Она оглядывается по сторонам и указывает на весь беспорядок, устроенный в аудитории за время моего отсутствия.

Профессор Рене

— И правда, это правильно подмечено, Эви. Ты как

всегда права. У старика уже не так много энергии, как было раньше.

Он с трудом, но с помощью девочки по имени Пьон, присаживается на стул. Сегодняшняя новость выматывает его сильнее, чем лекции. Для него я выгляжу как спасение или искра надежды после долгого ожидания, что казалось вечностью. В этот раз он берет себя в руки и набирается терпения, позволяя мне уйти без допросов.

Девушки покидают аудиторию, а я иду вслед.

— Парень!

Вокх

— Профессор?

Я оборачиваюсь в последний раз, но профессор просто один раз машет рукой в мою сторону и ничего не говорит, словно передумывает в последний момент.

Я покидаю аудиторию.

Сцена 6

Поздний вечер. Солнце зашло. На чёрном небе нет звёзд, и только одинокая луна тонет в массивном бесформенном облаке. Университет снаружи имеет форму полумесяца. Центральная часть с главным входом не обделена колоннами и фронтоном, придающим зданию академическую торжественность.

Это его место уже три сотни лет. Это не он построен в городе — это вокруг него возвели город. Магнит, притягивающий к себе тысячи умов. Неокрепших и слепо мечтающих покорить непокоренные высоты наук.

В этой части города можно без особых проблем найти продуктовый магазин или заведение с недорогой, но

приемлемой по вкусу пищи.

Эви

— Выбирай, чего стоишь? Сегодня был изматывающий день, и я хочу побыстрее к себе домой.

Мы стояли в круглосуточном супермаркете, расположенном на углу первого этажа жилого дома. Лампы со слабым синем светом то и дело мигают и шипят. Тесно стоящие полки с печеньями и пряниками прижимают нас друг к другу, и я чувствую их тёплые дыхания на себе.

Вокх

— Как это странно, что вы мне предлагаете потратить ваши деньги без особой причины.

Передо мной красуются десятки различных вариантов на перекус, начиная от протеиновых батончиков и заканчивая чипсами с замороженной пиццей. Глаза разбегаются. Сам я почти не трачу деньги, экономлю, поэтому с радостью бы воспользовался шансом. Тем не менее, я не мог кривить душой. Не столько стыдно, что за меня платят девушки, сколько не хочется оставаться в долгу перед кем-то, кроме себя самого.

Эви

— Причина есть, для кого как, но для нас весомая.

Пьон

— Oui, oui, c'est bien ça. C'est la fête, pas de panique — ton vœu est un ordre !

(Да, да, именно так. Праздник же, не паникуй — твоё желание для нас как приказ!)

Её щека прикасается к моей руке, пока она ерзает на

месте и подпрыгивает от радости. На мгновение она начинает говорить медленнее и с подозрительной ухмылкой.

— On fera tout, absolument TOUT !

(Сделаем всё, АБСОЛЮТНО всё!).

Вохр

— Не то, чтобы я хотел уточнять, но что она сейчас...?

Я так и не решаюсь узнать подробнее о том, что она говорит, однако для избежания недопонимания ненароком уточняю ключевые моменты.

Эви

— Она говорит, что для нас праздник иметь нового студента, даже и такого.

Она замолчала, и я прирос к земле от такого «некомплимента».

— В смысле, я говорю, что ты ненастоящий. Ну, студент. Те, кто ходят на курсы, вместо поступления в большинстве ленивый глупцы, что верят в бесплатные знания, которые изменят их жизни за пару месяцев, но это не про тебя, конечно же.

Вокх

(С наигранным смешком)

— Конечно, конечно не про меня.

Эви

— Так что давай выбирай уже и пойдём, мы подождём у кассы.

Они вдвоём прижимают свои сумки к себе и протискиваются сквозь узкие пространства на пути к выходу, оставляя только запах парфюма за собой и требование сделать нелёгкий выбор.

* * *

Вокх

(С прикусанной губой и мокрым ртом от голода)

— И что же такого выбрать, чтобы не быть слишком наглым и в то же время не обидеть их?

— Нужно выбирать верно. Не быть слишком наглым и расточительным для лучшей репутации. Один раз дашь волю случаю, а после тебя навсегда запомнят, как транжиру. В то же время нельзя мелочиться. Раз для них повод особой, то нужно проявить уважение.

— Если не ошибаюсь, та иностранная девочка смотрела на брендовый набор чизкейков с кусочками шоколадного печенья. Выглядит достойно.

Я беру длинную синюю пачку. Упаковка хрустит под пальцами, пока я несу её на кассу, где меня заждались. Внимание две красивые и молодые студентки привлекали достаточно. Внутри сотрудники мужского пола собирались как жуки, скрывая желания поглазеть рабочими моментами.

Эви и Пьон

—?

—!

Девушки стоят у входа и рассматривают товары на кассе: жвачки, продукты со скидкой или с акциями «купи четыре протеиновые каши — получи шейкер в подарок» и куда же без сигарет с контрацептивами.

Я их не слышу, но порой они заглядываются и на меня. На их лицах не четкой эмоции, поэтому различные негативные мысли синтезируются в голове сами собой.

Я помахал пачкой с печеньями и ускорил шаг.

Парень-кассир

(С уставшими глазами, что в основном посматривают не

на клиента, а на наклоняющихся на ровных ногах
красоток к прилавку)
— Пакет нужен?

Вокх

— Нет, не думаю, точно нет.

Я понимаю, что в этом заключается работа, но складывается ощущение, что необязательно спрашивать необходимость пакета для одной маленькой пачки оверпрайсных чизкейков. Тем более, у меня с собой сумка. Ладно, его можно понять, какое ему дело, когда в его чёрно-белый мир вторгаются два прекрасных распустившихся цветка.

Парень-кассир

(Из открытого рта почти льётся слюна)

— Двести девяносто девять.

Он пробивает товар, и следует звуковой сигнал. Я опустил руки и не показывал намерения завершить покупку. Спустя несколько секунд он всё-таки поворачивает свою голову и щурит красные глаза с ключевым вопросом: «Платить собираешься или как?»

Его внимание переключает на себя очередной звуковой сигнал, свидетельствующий об успешной безналичном оплате через терминал. Кассира вырывает из сформированной картины мира и бросает в непривычную ситуацию, где за какого-то невзрачного парня платят девушки его мечты. Не одна, а целых две!

Подбородок этого работяги под грузом неверия валится вниз и не спешит подниматься. Я же забираю свои чизкейки и иду на выход после лёгкого «Спасибо, до свидания», звучащего как издёвка.

За пределами магазина мы ненадолго остановились. Вдогонку он кинул своё честное и неподкупное мнение.

— Парень, я бы на твоём месте сходил в церковь. Здесь точно не обошлось без руки дьявола.

Если учитывать увиденное за той ржавой дверью, то в чём-то он оказывается прав.

Вокх

— Может быть, вы тоже хотите попробовать их со мной?

Я задал вопрос за их спиной, пока девушки залипали в телефонах и отвечали на накопившееся сообщения в социальных сетях.

Эви

(С приподнятой правой бровью)

— Но это для тебя, ты не обязан предлагать нам и делиться.

Пьон

(Подпрыгнув и убрав руки за спину)

— Oui, oui, c'est ton cadeau.

(Да, да, это подарок для тебя.)

Несмотря на очевидную искренность или отсутствие задних мыслей, у неё на лице отражалось желание попробовать эти необычные штуки.

Вокх

— Какой смысл наслаждаться чем-то, если не можешь разделить это наслаждение с другими?

Эви

— Ты что, действительно так считаешь?

Данный вопрос оказывается очень точным, даже с

небольшой ноткой иронии. Он звучит, как реплика главного героя из мюзикла, когда он побеждает злодее и наставляет его на верный путь.

Уловив моё невербальное подтверждение, она моргнула и посмотрела в сторону. Сложно сказать, что она думает в данный момент.

Вокх

— Не во всех случаях, но в сейчас я считаю именно так.

Моё подтверждение и попытка раскрыть упаковку привлекают девочку, чьи слова за весь день я ни разу не понял. Подойдя ко мне, почти вплотную, она помогает разорвать фольгу и тянет на себя картонную подложку.

За цену, превышающую в три раза цены аналогичных изделий, мы получаем двести двадцать пять грамм, или же 4 отдельных кусочка маленького торта.

Первая из девушек тут же хватается один из них и запихивает в рот.

Пьон

(Смотрит в небо с закрытыми глазами)

— Ce goût, c'est carrément un cadeau des dieux !

(Этот вкус — это прямо-таки божий подарок!)

Она выпячивает левое бедро с вытянутой вправо ногой и облизывает испачканные нежной творожной начинкой и маленькими крошками шоколадного печенья.

— C'est illégal d'être aussi bon, non ? Alors, Evi, t'en dis quoi?

(Разве можно быть настолько вкусным? Это ведь незаконно! Ну что, Эви, что скажешь?)

Судя по всему ей очень нравится. Чтобы это понять, необязательно знать язык.

На мгновение её выкрики исчезают и она, словно с виной, обращает внимание на свою подругу, не

проявляющую схожего желания вкусить этот кондитерский шедевр.

Эви

(С неизбежным принятием)

— Ладно, ладно, давайте сюда уже.

Я протянул ей пачку.

— Знаю, Пьон, ты любишь такие, но мне особо нравятся. Нет, ну, вкусные, спорить не буду, но для меня уж слишком нежно, аж сама таять начинаешь.

Она облизывает губы и вытирает их кончиками пальцев. Затем её взгляд убегает от моего и совсем на чуть-чуть выдаёт неловкость и стеснение.

— Но всё равно спасибо.

Пьон

— Merci beaucoup ! J'ai rien mangé de la journée.

(Большое спасибо! Я весь день ничего не ела.)

Эта ничего не скрывает. Как две противоположности, они идеально балансируют вместе.

Первые и второй парни с другого факультета

— Эй, эй, девчонки, вы не забыли? Давайте, догоняйте!

Они стоят на другой стороне дороги и зовут их к себе.

Совсем о них забыл, но этого стоило ожидать.

Вокх

(С опущенной головой и спешкой)

— Ладно, я пойду.

Пьон

— Oh, eh bien... d'accord.

(О, ну что ж... хорошо.)

Она опускает руки и только рот продолжает двигаться, пока она жует чизкейк. Оставаясь достаточно близко, любительница сладкого продолжает рассматривать меня.

Эви

— Конечно.

Развернувшись, я ухожу в сторону дома.

— Эм, мы надеемся... нет, мы ждём тебя. В общем, отделение всегда открыто, но если точнее, то оно открыто с девяти.

Вокх

(С улыбкой на прощание)

— Буду знать. Пока.

Пьон

— À bientôt ! Evi et moi, on a trop hâte !!!

(До скорого! Мы с Эви очень-очень ждём!)

Она выкрикивает на всю улицу, пока я отдаюсь всё дальше и погружаюсь в бесконечный поток мыслей.

Вокх

— Это знакомство оставляет различные послевкусия: с одной стороны меня встречает чувство чего-то потенциально дружеского и многообещающего, а с другой подкрадывается ощущение, что это только временно и вообще ничего не значит.

— Я не спрашивал их имён. Вопрос «Как вас зовут?» является самым распространенным при первом знакомстве. Хотя... Они тоже не спрашивали. Может быть, для них не играет роли моё имя.

— В общем, не считая нарастающей головной боли, я осилил этот момент первого столкновения с новым

коллективом в новой среде. Знания остаются приоритетом, а отсутствие открытой враждебности с их сторон позволяет сконцентрироваться на их получении. Было бы лучше, если бы я был один.

Я посмотрел на упаковку с двумя оставшимся чизкейками.

— Но на вкус правда достойно.